

И.М. НОХРИН

ИДЕЯ, КОТОРАЯ СОЗДАЛА СОВРЕМЕННОСТЬ ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛИЗМА ЛИИ ГРИНФЕЛД

Автор ставит целью дать критический анализ теории национализма Лии Гринфелд. Этот подход предполагает изучение национализма с позиций понимающей социологии, согласно нему мотивация индивида имеет определяющее значение для общественного развития. Содержание национальной идеологии и заложенная в ней система ценностей и приоритетов, как доказывает Гринфелд, ориентирует людей на проявление активности и достижение успеха в разных направлениях как, например, предпринимательство и торговля в случае Англии или духовная жизнь и культура для России, что объясняет многие особенности исторического развития этих стран.

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, национальная идея, национальная идеология, Лия Гринфелд

«Именно национализм порождает нации, а не наоборот», – эта знаменитая фраза Э. Геллнера стала аксиомой и одновременно квинтэссенцией современного подхода к исследованиям проблематики наций и национализма¹. В знаменитом утверждении британского социолога отразились два важнейших принципа господствующей сегодня структуралистско-модернистской исследовательской парадигмы, объединяющей таких мыслителей как Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, М. Манн и многих других. Первый её принцип – структурализм – связывает возникновение национализма с процессом модернизации и такими глубинными социально-экономическими сдвигами в жизни Европы, как становление и развитие капитализма, империализма и централизованных бюрократических государств². Второй принцип – модернизм – продолжает первый и требует рассматривать нации и национализм как феномен исключительно современной эпохи, датируемый не ранее, чем указанные выше изменения породили первых националистов и национальные движения.

В контексте устоявшегося консенсуса привлекает внимание теория Лии Гринфелд – оригинальный взгляд на феномен национализма и его значение для современной истории, политики, экономики и даже психологии. В работе «Национализм: пять путей к современности»³ Гринфелд выдвинула революционный тезис: «исторически возникновение национализма предшествовало появлению остальных значимых компонентов модернизации» и «определило политическую организацию и культуру современности». «Именно национализм создал мир таким, какой он есть» – резюмировала Гринфелд⁴. Эти идеи получили развитие в её следующей монографии «Дух капитализма», где доказывалось, что национализм «это фактор, ответственный за ориентацию экономической ак-

¹ Геллнер 1991: 127.

² Hearn 2006: 71.

³ Greenfeld 1996.

⁴ Greenfeld 1992: 21.

тивности в направлении перманентного роста», и «национализм – определяющий компонент или организующий принцип современности»⁵. Выражаясь словами Геллнера, национализм породил не только нации, но капитализм, базовые категории сознания современного человека, и более того, запустил процесс модернизации и создал современный мир.

В России теория Л. Гринфелд до сих пор остается практически незамеченной, хотя, учитывая российское происхождение исследовательницы⁶ и наличие русскоязычного издания первой монографии⁷, можно было ожидать гораздо большего внимания к её работам со стороны российских коллег⁸. И это, не говоря уже о том, что в мировой науке труды Л. Гринфелд давно и прочно вошли в список классических работ по истории и социологии национализма⁹. Предлагаемая статья ставит целью привлечь внимание российских специалистов к теории национализма Лии Гринфелд и предложить критический анализ выдвинутых ею идей.

Отправная точка: национализм как организующий принцип современности

«Национализм – уникальная разновидность социальной картины мира», – эта аксиома чётко обозначает позицию Л. Гринфелд в системе координат социальных наук¹⁰. Определение национализма как способа мышления, определяющего картину мира современного человека, коренным образом отличает её от тех исследователей, которые сосредотачивают своё внимание на инструментальной функции национализма и процессе «изобретения» или «конструирования» наций¹¹. «Книга Геллнера “Нации и национализм” стала отправной точкой для меня, – так описала рождение своей теории Л. Гринфелд, – Но я исходила из общего эмпирического правила, что человечество воспринимает реальность иным, уникальным способом, нежели все остальные виды животных, символическим, то есть нематериальным, а не генетическим, то есть материальным, передавая таким образом выработанные способы жизнедеятельности через поколения»¹². Иными словами, отправная точка рассуждений Л. Гринфелд – это т.н. основной вопрос философии, и в этом фундаментальном споре её позиция предельно ясна – сознание определяет бытие. Отказавшись от экономоцентризма, характерного для многих других теорий национализма, Л. Гринфелд вооружилась теоретико-методологическими достижениями неокантианского идеализма. Исследовательский инструментарий её работ имеет много общего с интеллек-

⁵ Greenfeld 2001: 1,4

⁶ Гринфелд родилась в 1954 г. во Владивостоке, в 1967 г. переехала в Сочи, в 1972 г. в возрасте 18 лет мигрировала вместе с семьей в Израиль.

⁷ Гринфелд 2012.

⁸ Удивительный факт: русскоязычное издание монографии Гринфелд не получило ни одной рецензии.

⁹ McCrone 1998: 23–24.

¹⁰ Greenfeld 2001: 2.

¹¹ McCrone 1998: 11–13

¹² Greenfeld 2005: 323

туальной историей: по ходу рассуждений она часто анализирует сочинения интеллектуалов и политиков на предмет проявления национального мышления или национальных идей и доказывает влияние доминировавших концепций и понятий на социально-экономические процессы.

Поскольку национализм для Гринфелд – это особый способ организации картины мира человека, он нуждается в определенной структуре и рамках, которые бы оформили её внутреннее содержание, и эту функцию выполняет идея нации. При этом нация является сложносоставным концептом, включающим пять важных идей. Во-первых, секуляризм, выражающийся в том, что всё внимание людей сосредоточено на происходящем «в их мире, а не потустороннем». Во-вторых, гуманизм, провозглашающий людей и их нужды главной ценностью. Затем, идея всеобщего равенства, позволяющая каждому считать себя частью нации. И наконец, народный суверенитет – признание людей высшим источником власти над государством и самими собой. «Национальная идентичность в её специфическом современном смысле – это идентичность, которая возникает от ощущения принадлежности к “народу”, – доказывает Л. Гринфелд. – Каждый черпает из «народа», таким образом, принадлежность к высшей, элитарной сущности, и как результат, неоднородное народонаселение воспринимается как гомогенное, по сути»¹³.

Последняя и самая важная идея, которая лежит внутри концепта нации, главный ориентир в картине мира и смысловое ядро каждого конкретного национализма – это идеальный образ самих себя, национальный автопортрет, который люди используют как шаблон, проектируя его на реальность и выстраивая реальность в соответствии с ним. Гринфелд выделяет три типа таких шаблонов: индивидуалистический-гражданский, коллективистский-гражданский и коллективистский-этнический. В случае индивидуалистического типа нация воспринимается как союз индивидов, простая совокупность всех её членов, каждый из которых сохраняет субъектность. Коллективистский тип предполагает понимание нации как самостоятельной сущности с её собственными интересами, желаниями и потребностями, делающими её чем-то качественно большим, нежели просто совокупность индивидов.

Различие индивидуалистического и коллективистского типа имеет значение, поскольку восприятие нации как совокупности индивидов либо самостоятельного субъекта определяет принцип установки приоритетов в развитии. В первом случае, характерном для Англии и бывших колоний Британской империи: Канады, США, Австралии, Новой Зеландии – высшей целью традиционно считается развитие экономики на благо каждого индивида как базовой единицы нации¹⁴. И поскольку процветание является главным стремлением каждого индивида, то иных приоритетов у нации, в целом, просто не может быть. Во втором случае, как это, например, свойственно для России, достаток и процветание от-

¹³ Greenfeld 1992: 7.

¹⁴ Greenfeld 2001: 3.

дельно взятого человека могут считаться не столь важной целью, как военные амбиции, развитие особой духовности или что угодно ещё. В данном случае нация наделяется собственной субъектностью, а иногда даже и душой, а потому может «выбирать» приоритеты, которые на деле устанавливаются элитами по их собственному усмотрению¹⁵.

Разница между гражданским и этническим типом состоит в том, каким образом устанавливается членство в национальном сообществе: первый из них предполагает свободную инкорпорацию новых членов на основе совместной социальной и политической активности, второй объединяет все страны, в которых национальность передается «по крови», т.е. переходит от родителей и не требует активного участия индивида¹⁶. Таким образом, у Л. Гринфелд совсем иное понимание гражданского и этнического национализма, чем у многих других исследователей. В противоположность, например, Р. Брубейкеру¹⁷, она доказывает, что язык, религия, историческая память и другие культурные компоненты неизбежно имеют огромное значение для любого национализма, в частности, для французского в той же степени, что и немецкого. Однако принципиальная разница заключается в том, что овладение французской культурой ведёт к включению во французскую нацию, тогда как немцем или русским долгое время можно было только родиться¹⁸.

Проведенная Л. Гринфелд типологизация национализмов поставила новый вопрос о причинах столь заметного многообразия этого феномена. Иными словами, как объяснить, что национальный образ немцев и русских оказался таким разным, хотя в его создании использовались те же идеи. В рамках структуралистской парадигмы ответ на этот вопрос был дан Э. Геллнером и заключался в теории неравномерного развития, т.е. объяснялся неодинаковыми условиями модернизации в разных странах и регионах¹⁹. Однако такой подход противоречил бы главной идее Л. Гринфелд о том, что модернизация сама по себе являлась порождением национализма. Поэтому она создала собственную историческую теорию национализма, которой посвящена основная часть её монографий.

Английская аномия XVI в. и «дух капитализма»

Объясняя историческое многообразие национализма, Л. Гринфелд обращается к английской истории XV в., в частности, Войне Алой и Белой Роз. Выбор данного события может показаться довольно странным, поскольку сам по себе этот типично средневековый династийный конфликт, на первый взгляд, не имеет ничего общего с национализмом. Однако его последствия, доказывает Гринфелд, имели эпохальные послед-

¹⁵ Greenfeld 2018.

¹⁶ Greenfeld 1992: 12.

¹⁷ Brubaker 1992.

¹⁸ Интересно, что немногие исследователи обращали внимание на расхожую во многих странах, в т.ч. в России, идею, что национальная принадлежность передается «по крови», от отца и матери, и ни получение гражданства, ни освоение культурных норм не может этого заменить.

¹⁹ Геллнер 1991: 127.

ствия. Поскольку английская феодальная аристократия буквально истребила друг друга, новый король Генрих VII набирал новую аристократию из социальных низов (*common people*). Это стало беспрецедентным нарушением существовавшей веками социальной структуры. Традиционно, поясняет автор, средневековое общество было обществом сословий, основывалось на идее неравенства и вере в то, что божественная воля разделила людей на три сословия – военную аристократию, духовенство и простой народ; эти сословия фундаментально отличны друг от друга по ряду врожденных качеств, и люди не могут перемещаться из одного в другое подобно тому, как лошадь не может стать курицей²⁰. В нарушение этого правила английское общество XVI в. стало более эгалитарным и внутренне мобильным, чем ранее. Вместе с тем менялось и представление об Англии в целом, она всё больше воспринималась как единое сообщество, состоящее не из сословий, а равных индивидов.

Однако потрясение социальных норм не могло пройти бесследно. По мнению Гринфелд, главным результатом столь значительных перемен для английского общества стало состояние аномии – ситуация культурной неопределённости, рассогласованности социальных структур и институтов, культурного раскола между ожиданиями и действительностью и недостатка действующих норм и ценностей, которая дезориентировала индивидуумов²¹. Понятие аномии связывает теорию Л. Гринфелд с социологией Э. Дюркгейма, считавшего, что аномия разрушительна как для сознания каждого индивидуума, так и для общества в целом, а потому требует принятия новой системы социальных норм для восстановления единства культуры²². Согласно Гринфелд, таковая была найдена в идее нации, которая стала эффективным средством укрепления социальной солидарности, а затем заняла место монархии в качестве приоритетного объекта лояльности и источника легитимности²³.

На этом моменте стоит еще раз подчеркнуть, что с точки зрения Гринфелд, национализм был причиной, а не следствием упадка монархий и секуляризации политической культуры. Причиной тому само смысловое содержание идеи нации. В XV в., накануне Войны Роз, это понятие использовалось для обозначения определенной части элиты феодального общества – аббатов и епископов, членов местных церковных советов. В XVI и XVII вв. нацией стало называться все английское население, в т.ч. третье сословие, из которого была рекрутирована тюдоровская аристократия. Иными словами, между новой элитой и породившей её социальной средой установилось тождество. С этого момента среди английских интеллектуалов стала развиваться мысль, что, будучи элитой, английский народ имеет право на обладание определенной долей суверенитета, дабы использовать её для достижения «общего бла-

---

²⁰ Greenfeld 2018.

²¹ Greenfeld 2005: 332.

²² Дюркгейм 1996.

²³ Greenfeld 1992: 31–44.

га». И поскольку нация состоит из отдельных индивидов, то «общее благо – это наибольшее благо наибольшего числа людей»²⁴. Очевидно, что эта идея вступала в противоречие с теорией божественного права монархии и не могла долго с ним сосуществовать. Кульминацией соперничества двух теорий власти стала Английская революция XVII века, в результате которой национализм и связанные с ним идеи народного суверенитета, равенства и секуляризма безоговорочно победили²⁵. Задачей же государства стало обеспечение «общего блага», выраженного в экономических категориях.

Таким образом, вслед за политикой «националистический принцип» победил в экономике и торговле. С конца XVII в. купцы всё чаще назывались представителями нации за рубежом, а «национальное величие» устойчиво связывалось с успехами в мореплавании и торговле. Новая национальная логика работала в обоих направлениях: экономический рост страны в целом воспринимался индивидом как повод для личной гордости, одновременно ориентируя его на всё большую деловую активность, которая могла бы увеличить вклад в общее дело. «Мы величайшая торговая держава, – провозгласил Д. Дэфо в начале XVIII в., – ... слава и величие [Англии]... созданы торговлей... это единственный источник, из которого мы, *если брать нас как нацию*, обогащаемся и черпаем свои силы»²⁶. И как только национальная гордость и достоинство индивида оказались связаны с экономическим ростом страны, Англия оказалась вовлечена в бесконечную погоню за успехом, которую Гринфелд определяет не иначе, как «дух капитализма». Парадоксально, но первое время Англия соревновалась в этой гонке сама с собой, поскольку ни одна другая страна не считала экономический успех поводом для гордости или проявлением национальной доблести (*dignity*)²⁷.

Развивая свою теорию капитализма, Гринфелд вступает в дискуссию с одним из отцов-основателей современной социологии М. Вебером. Само название монографии «Дух капитализма» обращает внимание на тесную связь её работ с понимающей социологией. Во введении автор отдает должное проницательности Вебера и солидаризируется с его подходом к проблеме возникновения капитализма с точки зрения мотивации экономических акторов. Гринфелд принимает веберовское определение капитализма как «экономики, ориентированной на постоянный рост», а также активно использует его понятие «дух капитализма» в значении специфического типа современного мировоззрения, ориентирующего индивида на экономическую активность и поступательное пре-

²⁴ Greenfeld 2001: 57.

²⁵ Важно помнить, что секуляризм, с точки зрения Гринфелд, это черта современного мировоззрения, которая сосредотачивает внимание людей на происходящем «в их мире, а не потустороннем». Секуляризм не означает отказа от религии, а лишь помещает источник суверенитета в народные массы и ориентирует людей на достижение успеха в «этой жизни», а не в «жизни иной».

²⁶ Greenfeld 2001: 55.

²⁷ Ibid: 23-24.

умножение капитала. Тем не менее, она не считает протестантскую этику, равно как и кальвинистскую догматику, в особенности, идею «призвания», движущим мотивом капиталистической рациональности²⁸.

Дело в том, что Нидерланды, по мнению Гринфелд, не были родиной капитализма. Более того, на заре современности экономика этой страны вообще не была капиталистической, доказывает социолог, поскольку вслед за процветанием XVI и XVII вв. наступил упадок XVIII в., отбросивший Нидерланды на несколько столетий назад и буквально перечеркнувший все предыдущие успехи модернизации. Иными словами, Нидерланды не совершили тогда взлёт к самоподдерживающемуся росту и оставались страной с традиционной экономикой²⁹. Выражение «взлёт к самоподдерживающемуся росту» отсылает читателя к знаменитой статье У. Ростоу, в которой тот заложил основы теории стадий экономического роста³⁰. Американский экономист использовал это понятие для обозначения исторического момента, когда характерные для традиционного общества колебания экономики на одном уровне сменялись устойчивым ростом и позволяли говорить, таким образом, о переходе к капитализму. Что же касается Нидерландов, настаивает Л. Гринфелд, то средний уровень их экономики, если брать его в долгосрочной перспективе взлётов и падений XVI–XVIII вв., нисколько не изменился, а значит капитализм там установился гораздо позже и по иным причинам, чем считал М. Вебер. И это произошло после того, как первый в мире взлёт к самоподдерживающемуся росту произошел в Англии.

Цепная реакция заимствования и переосмысления национальной идеи

Наконец, значительная часть теории Гринфелд посвящена распространению «националистической лихорадки» из Англии по всему миру. Следующим «заразившимся» стала Франция. Здесь всё также началось с аномии – глубокого социального кризиса, поразившего французское дворянство в XVII–XVIII вв. Традиционно его идентичность и социальный статус были связаны со службой королю, но, к глубокому неудовольствию аристократии, французский абсолютизм всё меньше и меньше нуждался в её услугах, поступательно заменяя старую знать при дворе и на государственной службе выходцами из низов. Испытывая глубокую фрустрацию от осознания потери статуса и монополии на власть, французское дворянство нашло для себя нового суверена – нацию³¹.

Общий смысл новой идеи был импортирован из Англии. Французская знать с готовностью приняла её основные концептуальные компоненты: секуляризм, гуманизм, равенство, народный суверенитет (с энтузиазмом воплотив их во Французском Просвещении), но идея нации как сообщества индивидов, объединенного целью достижения процветания

²⁸ Greenfeld 2001: 13–15.

²⁹ Ibid: 59–104.

³⁰ Rostow 1956.

³¹ Greenfeld 1996.

и экономического роста, т.н. общего блага, противоречила изначальному замыслу аристократии вернуть утраченные социальные позиции, ибо сфера коммерции и торговли была не самой сильной её стороной. Поэтому, доказывает автор, создатели французской национальной идеи придали ей иную, коллективистскую форму, в рамках которой нация понималась как самостоятельная сущность с её собственными интересами и потребностями, которые могли не совпадать с «благом» отдельных людей³². Тем не менее, французская нация оставалась все же идеей, а не существом из плоти и крови, а потому не могла сама говорить о своих нуждах и желаниях. За неё это делали отныне дворяне и интеллектуалы, вернув себе таким образом статус элиты – лидеров нации³³.

Это, однако, не снимало проблему поиска источника национальной гордости, альтернативы английскому «общему благу». К несчастью для создателей французской национальной идеи, вторая половина XVII в. и затем весь XVIII век были не слишком удачными для Франции. Вследствие целого ряда дипломатических ошибок и военных поражений, она уступила своему извечному сопернику Великобритании лидерство в европейской политике, потеряла колониальные владения в Канаде и Индии, не говоря уже о подорванном престиже и разочарованных союзниках. Внутренняя политика также не давала повода для оптимизма. Регулярные финансовые кризисы, растущие долги казны и народное недовольство никак не позволяли говорить о достижении какого-либо «блага» в экономике или в чём угодно ещё. Как результат, французскую элиту поразило чувство национального разочарования (*resentment*) от неспособности составить достойную конкуренцию их английским учителям национализма. Иными словами, взяв на себя роль лидеров нации, они не справились с возложенной самими на себя ответственностью³⁴.

Понятие национального разочарования или ресентимента связывает теорию Л. Гринфелд с философией Ф. Ницше и его работой «К генеалогии морали». Хотя Ницше считал ресентимент, скорее, психологическим феноменом, вызванным стремлением людей перекладывать ответственность за свои неудачи на внешние причины или «врагов», его концепция крайне удачно подходит для описания того состояния растерянности, в которой оказались создатели французской национальной идеологии. Преодоление ресентимента, доказывал Ницше, происходит через развитие чувства враждебности к «врагу», обесценивание его достижений и значимых характеристик, как правило, тех, в которых сам субъект не добился успеха³⁵. Этот процесс завершается созданием альтернативной системы ценностей, которая позволяет субъекту избавиться от

³² Ibidem.

³³ По иронии судьбы французская знать вскоре утратила контроль над своим творением, а в годы Французской революции идея нации была обращена против её создателей, многие из которых попали в категорию «врагов народа» в том самом коллективистском понимании нации как субъекта.

³⁴ Greenfeld 1996.

³⁵ Ницше 2012.

ощущения ущерба и даже чувствовать превосходство над «врагом» в своей собственной системе моральных и идеологических координат.

С точки зрения подхода Ницше, отказ французских национальных идеологов от идеи «общего блага» был вполне закономерен, поскольку она ассоциировалась с успехами главного конкурента – Великобритании. Они создали собственную систему национальных приоритетов, поставив во главу угла, не экономические, а политические цели. Основными из них Гринфелд называет стремление к созданию справедливого общества и эффективного государства, которые бы обеспечили подлинное равенство и соблюдение прав и свобод человека, в чём, по убеждению французских интеллектуалов и политиков, Великобритания не преуспела по причине «глубокой ущерба» и несправедливости социальной системы³⁶. Так французская нация получила иной *raison d'être*, ориентирующий её созидательный потенциал в сферу законодательства, политических реформ и экспериментов, что определило её историю конца XVIII – XIX в. Тем не менее, хотя французские националисты и открыли собственный источник национальной гордости, они вовлекли Францию в ту же бесконечную гонку за успехом, требовавшую все новых и новых достижений, в которой уже давно участвовали их английские визави.

Не менее интересным представляется исторический анализ других моделей национализма – русского, немецкого, американского и японского – через ключевые характеристики соответствующих национальных идей. Так, русский национализм, считает Гринфелд, был одним из первых в мире и развивался параллельно с французским. Его появление она связывает с деятельностью Петра I, который заимствовал из Европы и, особенно из Англии, множество идей, в т.ч. идею нации, выраженную им на русском языке понятием «отечество»³⁷. Волевым решением Пётр потребовал от дворянства присягнуть на верность новому суверену, одновременно открыв возможность получения дворянского достоинства для выходцев из социальных низов. Эти и другие его реформы ввергли российскую аристократию в состояние жесточайшей аномии, единственно возможным выходом из него было подчиниться царю и освоить импортные идеи³⁸. Подобно Франции, национализм в России принял коллективистскую форму, поскольку «отечество» мыслилось как нечто большее, чем простая совокупность всех жителей России. Вместе с тем русская нация не могла быть гражданским сообществом хотя бы потому, что подавляющее большинство населения составляло бесправное крестьянство, которое не проявляло никакой политической активности и никак не могло претендовать даже на гипотетическое равенство с ари-

³⁶ Greenfeld 1992: 180.

³⁷ Ibid: 193.

³⁸ Гринфелд доказывает, что в случае с Россией огромное значение имела личность самого Петра I, который буквально принудил дворянство принять новые идеи, чем значительно усилил кризис традиционных ценностей, но вместе с тем и ускорил процесс развития национализма.

стократией. Буквально единственным, что объединяло верхи и низы российского общества, был факт рождения в одной стране, на одной земле, что обусловило этнический характер русского национализма, в котором принадлежность к нации определялась «по крови», т.е. национальностью отца и матери³⁹.

Как и французское дворянство, российские элиты оказались поражены чувством национального разочарования или ресентимента, как только осознали свою неспособность конкурировать с теми, от кого заимствовали саму идею нации. Ситуацию в российском случае усложняло еще и то, что в качестве значимого «другого» была выбрана не какая-то конкретная нация, как, например, англичане в процессе становления французского национализма, а вся Европа сразу, весь «Запад»⁴⁰. После смерти Петра I, «чья уникальная личность и действительно необыкновенные достижения породили безграничный оптимизм, стало абсолютно ясно, что России очень далеко до любой из европейских стран, с которыми она так храбро и восторженно была склонна себя сравнивать. Она совершенно не соответствовала ему же самой принятому стандарту», – доказывает Л. Гринфелд⁴¹. Проблема российского национализма заключалась в выборе слишком могущественного конкурента: Великобритания превосходила Россию в торговле, Франция – в политических институтах, Флоренция – в галантности манер, а все они вместе составляли «Запад», который российские элиты со времен Петра I мечтали догнать и перегнать на поле его же собственных достижений⁴².

Преодоление ресентимента в России происходило, соответственно, через переосмысление и обесценивание всего «западного», а также создание собственной системы национальных приоритетов – источника национальной гордости. И поскольку очевидное отличие России от «Запада» заключалось в наличии самобытной религии⁴³, то главным достоинством русской нации стала считаться её особая духовность – «русская душа», так возникла идея нравственного превосходства над бездуховным, меркантильным, заикленным на выгоде «Западом», каким его обычно видят русские националисты. Некоторые из них даже перестали считать Россию «западной» нацией, чтобы принадлежность к Западу не противоречила идее морального первенства над ним. В этой неопределенности между желанием добиться превосходства над «Западом» в начатой им гонке национальных достижений и стремлении идти своим собственным, «особым путем» Гринфелд видит историческую специфику

³⁹ Greenfeld 1990.

⁴⁰ Знакомство с «другим» происходило так быстро, что российские дворяне не успевали замечать различия внутри «Запада».

⁴¹ Greenfeld 1992: 228.

⁴² Хотя всё же была одна область, в которой Россия время от времени добивалась превосходства над всем «Западом» – это война. Поэтому военное дело, утверждает Гринфелд, превратилось в России в источник национальной гордости.

⁴³ И что очень важно, православие традиционно заявляло о собственном превосходстве над остальными ветвями христианства.

ку русского национализма: «Россия... никогда не потеряет надежды стать высшим западным государством... но будет продолжать строить свой собственный... Рим»⁴⁴.

Можно заметить, что для анализа исторических моделей развития национализма Гринфелд использует общую исследовательскую модель, делящую весь процесс на три этапа: ситуация аномии элит и заимствование идеи нации у знакомых с нею соседей, затем ощущение разочарования от собственной неспособности сравниться в национальном величии с источником заимствования и, наконец, переосмысление национальных приоритетов таким образом, чтобы добиться желанного превосходства. Как бы за кадром остаётся еще один этап – внедрение новых приоритетов в государственную политику и повседневную практику, что превратило современный мир в арену национальной конкуренции. В случае Германии, согласно Гринфелд, аномия поразила, в основном, интеллектуальную элиту, принадлежавшую к среднему классу, которая отчаянно желала сравняться по статусу с процветающей аристократией. Источником национальной идеологии и значимым «другим» была взята Франция. Не в силах повторить успехи французского республиканизма, демократии и государственного строительства, немецкие националисты испытали репрессии и нашли выход в заимствованной из романтизма идее особой чистоты немецкого духа и крови (в противоположность, как они считали «испорченным») от смешения с евреями (французам), что породило веру в буквально биологическое превосходство немецкой нации и воплотилось в политике ксенофобии, милитаризма и нацизма⁴⁵.

Особняком стоит случай американского национализма, определяемого Гринфелд как дочерний от английского с теми же ценностями индивидуализма и экономического роста. Однако американцы, добавили новую идею к образу своей нации – индивидуальную свободу, которая сделала американский капитализм еще более эффективным, освободив амбиции индивида от необходимости заботиться об общем благе и позволив ему думать исключительно о собственном успехе⁴⁶.

Критика и значимость

Теория Гринфелд привлекает междисциплинарностью и глобальным подходом. Она предлагает готовый методологический инструментарий для изучения широкого спектра конкретных кейсов из области национальной проблематики от экономики и социологии до международных отношений. Однако широта охвата является главной уязвимостью этой теории. Многие критики начинают с того, что ставят под сомнение репрезентативность имеющихся источников в контексте поставленных задач. Как было сказано выше, Гринфелд оперирует методологией истории идей и много внимания уделяет анализу текстов, созданных политиками, писателями, интеллектуалами и другими представите-

⁴⁴ Greenfeld 1992: 274.

⁴⁵ Ibid: 352-397.

⁴⁶ Greenfeld 2001: 438-473.

лями национальных элит, априорно предполагая, что такой же подход к пониманию нации существовал и у остальных социальных групп. Однако другие исследователи не согласны ставить знак равенства между взглядами элит и всего населения, требуя, как минимум, доказать возможность столь широких генерализаций⁴⁷. Критики также подчеркивают необходимость более глубокого изучения процесса распространения национальной идеи от создателей в массы и от центра к периферии, а также моделей её социальной передачи и воспроизводства⁴⁸. Иными словами, остаётся непонятным, как конкретно идея нации влияла на социальную реальность. А без этого теорию Гринфелд можно считать блестящим трудом по истории идеи нации, но не национализма.

Что же касается трактовки национализма как подлинного «духа капитализма», критики также отмечают нехватку эмпирического материала, который бы доказал влияние национальной идеи на экономическую активность индивидов и долговременные экономические процессы⁴⁹. Можно согласиться, что конкретные цифры и расчеты, а точнее их малочисленность – слабая сторона работ Гринфелд. Однако основная проблема её теории видится в том, что в эпоху господства структуралистского подхода к изучению национализма Гринфелд предложила радикально иной подход: национализм как система ценностей, как особая картина мира, как результат развития культуры, что сближает её с политической антропологией⁵⁰, но выглядит почти что экзотикой на фоне классических концепций Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, М. Манна и их учеников, оперирующих совсем иной методологией. Идеи Гринфелд выходят за рамки сложившегося в данной исследовательской области консенсуса, а потому вызывает массу вопросов, связанных с верификацией. Это касается не только необходимости более глубокого изучения уже описанных случаев формирования и развития национальной идеологии, но апробации предложенной методологии на новых кейсах. В частности, внутренним противоречием теории представляется наличие «семейства» национализмов без ресентимента: английского и «дочерних» от него американского, канадского, австралийского и т.д. Различия между ними кажутся достаточно очевидными как и факт, что, например, в канадской национальной картине мира идея свободы не играет такой же важной роли, как в американской. Однако столь же очевидного объяснения для этого не наблюдается.

Тем не менее, предложенный Л. Гринфелд подход к изучению национализма имеет целый ряд преимуществ. Во-первых, он вновь актуализирует базовый принцип понимающей социологии, согласно которому мотивация индивида имеет определяющее значение для общественного развития. В частности, содержание национальной идеологии и за-

⁴⁷ Hechter 1993; Griffin 1994.

⁴⁸ Hanson 1995.

⁴⁹ Lohr 2003; Strikwerda 2003.

⁵⁰ Harrison 2003.

ложенная в ней система ценностей и приоритетов, как доказывает Гринфелд, ориентирует людей на проявление активности и достижение успеха в разных сферах, как, например, предпринимательство и торговля в случае Англии или духовная жизнь и культура для России, что, в конце концов, объясняет многие особенности исторического развития этих стран. Во-вторых, понимание современного мира как арены непрекращающейся национальной конкуренции, бесконечной гонки достижений, частью которой, но не единственным компонентом, является капитализм, даёт основу для анализа современной мировой политики, экономики и международных отношений. Называя национализм основой картины мира современного человека, Гринфелд дает ответ на знаменитый вопрос Б. Андерсона, почему «смерть за Родину... приобретает такое моральное величие, с которым не может сравниться смерть за Лейбористскую партию»⁵¹, ибо принадлежность к нации является сегодня наивысшей формой идентичности каждого индивида, а сама нация в этом глобальном соревновании воспринимается как одна большая команда, чьи достоинства и достижения проецируются на каждого её участника. Наконец, оригинальная концепция распространения «национальной лихорадки» по миру через аномию и ресентимент помогает понять всё многообразие национальных идеологий в мире, причем не только в Европе и Америке, но и в Азии и Африке, преодолеть столь характерную узость пространственно-временных горизонтов и европоцентризм.

Тем не менее, работы Л. Гринфелд пока ставят больше вопросов, чем дают ответов. Если следовать её же собственной логике, то каждый национализм имеет свою историю и специфику, что делает невозможным любые типологизации и обобщения. Даже близость идей, как это можно наблюдать на примере английского и канадского национализма или русского и белорусского, требует особого исследования и построения индивидуальной исторической модели для каждого случая «национальной лихорадки». Бесспорно, это задача столь же сложная, сколь и многообещающая, особенно с точки зрения интеллектуальной истории. А что особенно важно, теория Л. Гринфелд позволяет отойти в исследованиях феномена национализма от доминирования структуралистского подхода и реабилитирует значение истории идей в этой области знания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. [Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva*. Moscow: Kanon-Press-TS., 2001]
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. [Gellner E. *Nacii i nacionalizm*. Moscow: Progress, 1991]
- Гринфелд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. [Greenfeld L. *Natsionalizm. Piat' putei k sovremennosti*. Moscow: PER SE., 2012]
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. [Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda*. Moscow: Kanon., 1996]
- Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 229-376. [Nietzsche F. *K genealogii morali* // Nitsche F. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. Vol. 5*. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia, 2012. С. 229-376.]

⁵¹ Андерсон 2001: 349.

- Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Greenfeld L. The Formation of Russian National Identity – the role of status insecurity and resentment // *Comparative Studies in Society and History*, 1990, 32(3). P. 549-591.
- Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Greenfeld L. *Nationalism and Modernity* // *Social Research*, 1996, 63 (1). P. 3-40.
- Greenfeld L. *The Spirit of Capitalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
- Greenfeld L. *Nationalism and the Mind* // *Nations and Nationalism*, 2005, № 11(3). P. 325-342.
- Greenfeld L. *The World Nationalism Made* // *American Affairs*, 2018, 2(4). P. 151-164.
- Griffin C. Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1994, 533. P. 188-189.
- Hanson S. Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity* // *Theory and Society*, 1995, 24(6). P. 875-877.
- Harrison S. *Cultural Difference as Denied Resemblance: Reconsidering Nationalism and Ethnicity* // *Comparative Studies in Society and History*, 2003, 45(2). P. 343-361.
- Hearn J. *Rethinking Nationalism: A Critical Introduction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
- Hechter M. *Nationalism Redux* // *Contemporary Sociology*, 1993, 22(4). P. 502-505.
- Lohr E. Liah Greenfeld, *The Spirit of Capitalism: Nationalism and Economic Growth* // *Nations and Nationalism*, 2003, 9, pt. 2. P. 322-323.
- McCrone D. *The Sociology of Nationalism: Tomorrow's Ancestors*. L.; N.Y.: Routledge, 1998.
- Rostow W.W. *The Take-Off into Self-Sustained Growth* // *Economic Journal*, 1956, Vol. 66, № 26. P. 25-48.
- Strikwerda C. Liah Greenfeld, *The Spirit of Capitalism: Nationalism and Economic Growth* // *The American Historical Review*, 2003, 108(1). P. 159-160.

Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра политических наук и международных отношений, зам. декана по науке, историко-филологический факультет, Челябинский государственный университет, ivan-nokhrin@yandex.ru

The Idea that Created Modernity: Liah Greenfeld's theory of Nationalism

The article aims to give a critical analysis of the Leah Greenfeld's theory of nationalism. This approach involves a study of nationalism from the perspective of understanding sociology, according to which the motivation of the individual is crucial for social development. In particular, the content of the national ideology and the system of values and priorities laid down in it, as the researcher proves, directs people to be active and achieve success in different directions, such as entrepreneurship and trade in the case of England or spiritual life and culture for Russia, what explains many of the features of the historical development of these countries.

Keywords: *nationalism, national identity, national idea, national ideology, Leah Greenfeld Ivan Nokhrin, PhD in history, associate professor, Department of Political Sciences and International Relations, Deputy Dean for Research, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University; ivan-nokhrin@yandex.ru*